

Рец. на: А.В. Голубев, В.А. Невежин. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии (1920-е – первая половина 1940-х гг.). М.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2016. 238 с.

Oxana Nagornaja
(South Ural State University, Cheliabinsk, Russia)

Rec. ad op.: A.V. Golubev, V.A. Nevezhin. Formirovanie obraza Sovetskoi Rossii v okruzhayuschem mire sredstvami kul'turnoi diplomatii (1920-e – pervaya polovina 1940-h gg.). Moscow, 2016

Бурное развитие междисциплинарного исследовательского ландшафта вокруг феномена сталинизма в последние десятилетия способствовало не только введению в научный оборот новых источниковых групп и приращению теоретического знания, но и открытию иных тематических полей, разработка которых позволяет преодолеть исключительно национальную перспективу изучения амбивалентного прошлого. В настоящий момент развернулись интенсивные дискуссии о необходимости расширения существующих представлений о советском эксперименте как об уникальном проявлении модерности в пользу его универсализации и помещения в контекст глобальных трендов. В связи с этим некоторые исследователи обратились к изучению кросс-культурных и трансидеологических взаимодействий Советской России в годы «великого перелома».

Параллельно с появлением крупных работ в области изучения внешнеполитических репрезентаций сталинского режима на международной арене¹ авторы рецензируемой монографии А.В. Голубев и В.А. Невежин констатируют недостаточную изученность политических целей использования культурного обмена и интеллектуального сотрудничества в межвоенный период и годы Второй мировой войны. Книга, основанная на анализе широкой источниковой базы, является одновременно своеобразной квинтэссенцией предыдущих работ двух авторов и своеобразным маркером состояния исследовательских дискуссий в данном проблемном поле.

Первостепенным из заявленных исследовательских вопросов монографии авторы

считают выявление специфики большевистской политики формирования и трансляции образов режима вовне в период его становления и консолидации. Выявляя параллели между внешнеполитическими репрезентациями Российской империи и советскими усилиями на международной арене, Голубев и Невежин видят специфику межвоенного периода прежде всего в небывалом размахе мероприятий культурной дипломатии и в их связи с идеологическими парадигмами (в понимании авторов – «мифологическим мышлением») большевиков.

Авторы основываются на сформулированном в их предыдущих работах определении культурной дипломатии как практики «использования государством для достижения политических, дипломатических, пропагандистских целей существующих или специально установленных культурных, общественных и научных связей» (с. 9). Несмотря на достаточно широкую дефиницию, читателю недостаёт весьма важных пояснений: употребляются ли часто используемые в книге понятия «культурный обмен», «интеллектуальное сотрудничество», «культурная пропаганда» в качестве синонимов «культурной дипломатии», её структурных элементов или как наименования родственных, но отличных явлений советских (и не только) внешнеполитических репрезентаций?

Одним из решающих факторов, определившим степень открытости вовне советского межвоенного общества, Голубев и Невежин называют специфику функционирования различных государственных институций и масштабную ротацию работавших в них

кадров. Единичные попытки «старой интеллигенции» сохранить прежние транснациональные сети, поддерживая культурные контакты с границей, быстро сошли на нет с приходом новой волны «сталинских выдвиженцев», не имевших соответствующего образования и знания языков, не разделявших европейские ценности и совершенно не заинтересованных в коммуникации с внешним миром. Ужесточению ограничительных мер в сфере циркуляции людей и информации способствовали логика развития отдельных бюрократических структур и рост чиновничьих амбиций (например, у функционеров Всероссийского общества культурных связей с границей). Стремление позиционировать себя в ряду многочисленных советских организаций обусловило их усилия по созданию иллюзии контроля над ситуацией с помощью запретительных мер.

Противоречивость самих институциональных практик советской культурной дипломатии объясняется авторами, помимо прочего, непоследовательностью определения объёмов финансового обеспечения отдельных мероприятий. С одной стороны, подчёркивается хроническое недофинансирование визитов и пропагандистских акций, с другой — приводятся весьма любопытные примеры щедрой оплаты статей иностранцев (литераторов, корреспондентов, партийных деятелей) в центральных советских газетах в качестве одного из средств обеспечения их лояльной позиции по отношению к СССР, а также мощной финансовой поддержки антифашистских по своей направленности конгрессов литераторов, проводившихся в европейских странах в 1930-х гг. (с. 119).

Общим местом существующих исследований культурной дипломатии межвоенного периода, в том числе рецензируемой книги, остаётся дискуссия об индикаторах эффективности усилий в сфере межнациональной коммуникации. Авторы подчёркивают неоднозначность достигнутых результатов: им удаётся иллюстративно продемонстрировать узкие места «культпоказа», которые отмечали даже его пассивные участники — советские рабочие, латентно или открыто отказавшиеся поддержать те или иные инициативы. Напротив, эксплуатацию идей антифашизма в 1930-х гг. Голубев и Невежин оценивают в пози-

тивных категориях, как «звёздный час советской культурной дипломатии». Косвенным маркером продуктивности советских внешнеполитических репрезентаций является взаимодействие «послов культуры» с секретными службами: в ходе организации визитов функционерам от культурной дипломатии удавалось формировать благосклонность иностранцев, которые затем легче вербовались советской разведкой.

Отсутствие в заявленном авторском инструментарии чётко определённых критериев успешности культурной дипломатии не позволяет им в достаточной мере аргументировать некоторые тезисы. К примеру, заявление о том, что «наиболее результативной формой подачи визуальной информации о советских военных усилиях на войне стали фотовыставки» (с. 174), не проиллюстрировано демонстрацией количества посетителей, выдержками из их отзывов и масштабами медийного сопровождения экспозиций за рубежом.

Значимым вкладом авторов в актуальные дискуссии о специфике советской культурной дипломатии стала заключительная часть книги, где продлены хронологические рамки предыдущего исследования — до окончания Второй мировой войны — и описаны мероприятия трансляции образа героических усилий советской стороны в сознании союзников. Наглядно показана хаотичная смена концепций и адресатов посланий, рассчитанных на иностранную публику в зависимости от внешнеполитической конъюнктуры (пакт Молотова—Риббентропа, складывание антигитлеровской коалиции). Кроме того, авторы выявили достаточно высокую инертность ответственных институций: к примеру, несмотря на высокий интерес союзников к жертвам советского народа, принесённым на алтарь борьбы с нацизмом, представители советских органов в стиле раннесталинского культпоказа скрывали негативную информацию об их стране от иностранных СМИ и поставляли за рубеж лишь материалы идеологического характера (с. 198).

В целом дискуссионность некоторых тезисов и аргументов авторов монографии не мешает оценить её как важный, богатый источниковыми материалами обзор тематического поля, который может стать основой для развития дальнейших концептуальных размышлений о советской культурной дипло-

матии 1920–1940-х гг. и последующих периодов. Перспективными видятся развитие понятийных дискуссий через «включение» в них темы инициативы и деятельности индивидов и групп в области «некабинетной» дипломатии, а также определение критериев эффективности культурной дипломатии, более чёткое выделение этапов и ключевых факторов развития её отдельных сфер и их отграничение друг от друга, описание моделей советской культурной дипломатии в зависимости от региона и идеологической ориентации стран-адресатов.

На фоне продемонстрированной Голубевым и Невежиным противоречивости мероприятий культурной дипломатии, асистемности предпринимавшихся в межвоенный период усилий необходимым представляется уточнение заключительных выводов о том, что «после войны советская культурная дипломатия не смогла достичь уровня эффективности предвоенных и военных периодов» (с. 219). Речь, видимо, должна идти не только о проблеме индикаторов результативности, но и о важности детального изучения внешнеполитических репрезентаций СССР во второй

половине XX в. Несмотря на мозаичность существующих исследований, уже сегодня можно говорить о том, что кардинальные изменения условий сосуществования двух систем после окончания Второй мировой войны привели к тому, что сфера культурной дипломатии стала ярким воплощением дихотомического имперского самосознания. Наряду с сохранением в данной сфере персонального континуитета, глобальные и региональные кризисы способствовали масштабной трансформации концепций и структур культурной дипломатии. Обращение к новым средствам массовой информации и трансляция их на новые (в том числе географические) направления длительное время позволяли стабилизировать структуры внутриблоковой и глобальной коммуникации.

Примечание

¹ *David-Fox M. Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941. Oxford, 2012; David-Fox M. Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburgh, 2015.*

Владимир Невежин

Е.М. Примаков: наследие учёного и политика

Vladimir Nevezhin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Yevgeny Primakov: the legacy of the scientist and politician

Имя академика Евгения Максимовича Примакова (1929–2015) – журналиста, учёного, дипломата, государственного и общественного деятеля – хорошо известно как в России, так и за рубежом. Учитывая огромное значение научной, политической и общественной деятельности Примакова, Торгово-промышленная палата РФ при финансовой поддержке ряда коммерческих организаций и физических лиц подготовила и выпустила в свет 10-томное собрание его сочинений*.

Рабочая группа во главе с к.и.н. А.М. Рыбаковым (д.э.н. В.Л. Малькевич, к.и.н. Г.А. Бордюгов, к.и.н. А.И. Шкирандо, И.Л. Митрофанов и И.Б. Примакова) сформировала структуру издания, написала введение, предисловие и комментарии, составила указатели и библиографические материалы. Отдельные тома были подготовлены Д.Г. Коробковым (1–3), к.и.н. А.Г. Ложкиным (4), к.и.н. Т.А. Филипповой (5), А.В. Владимирским (6–7), к.и.н. Л.С. Гагатовой (8–9) и к.и.н. Д.А. Андреевым (10). Вспомогательную работу выполнили

* *Примаков Е.М. Собрание сочинений. В 10 т. / Сост. А.М. Рыбаков и др. М.: ТПП РФ; Российская газета, 2016.*

сотрудники Научно-исследовательского центра Ассоциации исследователей российского общества (АИРО—XXI).

Во «Введении» (т. 1, с. I—XIV) подчёркивается, что данный труд «является первым опытом систематизации и издания научного, публицистического, учебно-методического и мемуарного наследия Е.М. Примакова» (т. 1, с. I). В начале каждого тома даётся краткая характеристика представленных материалов с изложением их содержания и описанием условий создания. Все материалы можно условно разделить на пять больших групп: академические исследования, политическая публицистика, выступления и интервью, учебно-методические работы, воспоминания.

Научное наследие Примакова — это монографии, изданные в конце 1970 — середине 1980-х гг., когда он возглавлял Институт востоковедения АН СССР: «Анатомия ближневосточного конфликта» (т. 1, с. 17—416), «Восток после краха колониальной системы» (т. 1, с. 417—594), «История одного сговора: ближневосточная политика США в 70-е — начале 80-х годов» (т. 2, с. 15—404). Политическая публицистика представлена брошюрой «Война, которой могло не быть» (т. 2, с. 405—560), а также книгами «Мир после 11 сентября» (т. 4, с. 303—494), «Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость» (т. 6, с. 471—704), «Россия: надежды и тревоги» (т. 7, с. 199—364).

Выступления и интервью Примакова (т. 8, 9) относятся к началу XXI в. — периоду его руководства Торгово-промышленной палатой РФ. Также «Собрание сочинений» содержит материалы лекций, прочитанных на факультете политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (т. 8, с. 14—79), и изданные воспоминания: «Годы в большой политике» (т. 3), «Восемь месяцев плюс...» (т. 4, с. 17—302), «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами» (т. 5), «Минное поле политики» (т. 6, с. 15—470), «Мысли вслух» (т. 7, с. 15—198). В т. 10 (дополнение к «Собранию сочинений») вошли подробный биографический очерк об академике, хроника его жизни и деятельности, подготовленные Д.А. Андреевым, Г.А. Бордюговым и А.М. Рыбаковым (с. 13—144), фотоочерк А.Д. Шкирандо и С.П. Щербины (с. 145—240) и составленная Е.С. Сапрыкиной «максимально полная на сегодняшний день» библиография работ учёного (с. 241—332).

После ознакомления с трудами Примакова неизбежно возникают вопросы: в чём состоит феномен этого неординарного человека, достигшего больших вершин, какова его роль в судьбе страны и какое место отведено ему в отечественной истории? Ответы на них — в его воспоминаниях.

Принято считать, что практически каждый мемуарист намеревается поведать миру всю правду, хотя все они могут руководствоваться при этом разными мотивами. Действительно, воспоминания «великих» и «замечательных» людей всегда вызывают интерес широкой общественности, в том числе мировой. Ведь читатели ждут от авторов раскрытия их «тайн» и «откровений», авторы же, в свою очередь, стараются не обмануть таких ожиданий. Публикации подобного рода обычно читают с большим интересом, они выходят в свет солидными тиражами и неоднократно переиздаются¹.

В данном смысле воспоминания Примакова, прежде всего «Годы в большой политике» (1999) и «Минное поле политики» (2007), являются своеобразным исключением из установленных правил. Первую книгу, отмечал автор, было трудно отнести к категории мемуарной литературы. Будучи далёким от того, чтобы сделаться героем своего повествования, он писал: «Между тем совершенно ясно, что я пропускаю изложенное через призму своего личного восприятия и осмысления, заранее зная и не опасаясь того, что не всё сказанное будет принято всеми читателями» (т. 3, с. 15). Подобным образом Примаков рассуждал и в отношении второй книги (т. 6, с. 16). И всё-таки его политические мемуары были изданы большим тиражом и вызвали острый интерес читающей публики.

И это не случайно. В момент их первой публикации в российском обществе сохранялся стойкий интерес к событиям 1990-х гг. Политический портрет Президента РФ Б.Н. Ельцина на исходе XX в. ещё не был описан. На этом фоне свидетельства Примакова, занимавшего (хотя и непродолжительное время) высокий пост главы российского правительства, которое он не считал коалиционным (т. 6, с. 302), существенно дополняют

общую картину, написанную другими участниками и очевидцами событий тех лет.

Своеобразным «путеводителем» по содержанию воспоминаний Примакова можно считать биографический очерк. Его авторы справедливо отмечают, что жизнь этого выдающегося человека можно рассматривать как своеобразное зеркало, «в котором во всех деталях и со всеми особенностями видны амбициозная по своему геополитическому замыслу советская история и её бурное постсоветское продолжение» (т. 10, с. 13).

Период становления Примакова как академического учёного, научного администратора и политического деятеля всесоюзного масштаба пришёлся на советскую эпоху (а пика своей карьеры он достиг как государственный деятель российского масштаба в качестве третьего официально назначенного премьер-министра РФ уже после распада СССР). Примаков успешно продвигался по служебной лестнице, накопил большой опыт научной, общественной и государственной работы.

Первые шаги в самостоятельной жизни Евгений Максимович сделал как журналист-международник. Он окончил Московский институт востоковедения по специальности «страновед по арабским странам, журналист», а затем аспирантуру экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Почти восемь лет (декабрь 1977 — октябрь 1985 г.) Примаков являлся директором Института востоковедения АН СССР, четыре с половиной года (октябрь 1985 — май 1989 г.) возглавлял академический Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР. В 1985—1989 гг. он неоднократно входил в состав делегаций, сопровождавших генерального секретаря ЦК КПСС (затем Президента СССР) М.С. Горбачёва в ходе его визитов и переговоров с лидерами иностранных государств (США, Индии, Китая).

Примаков был кандидатом в члены ЦК КПСС (1986—1989), членом ЦК КПСС (апрель 1989 — июль 1990 г.), кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС (сентябрь 1989 — июль 1990 г.), депутатом Верховного Совета СССР (1988—1989), народным депутатом СССР (1989—1991), членом Верховного Совета СССР (1989—1990), председателем Совета Союза Верховного Совета СССР (июнь 1989—

31 марта 1990 г.). Оказавшись «в эпицентре перестройки», он даже в самые тяжёлые времена (например, в дни августовского путча 1991 г.) всегда поддерживал Горбачёва, входил в число его ближайших советников (т. 3, с. 123—125; т. 6, с. 141—142).

Какие же факторы стали решающими в ходе постепенного и в то же время уверенного «возвышения» Примакова, какие персонажи и события его предопределили? По мнению авторов биографического очерка, именно после получения квалификации арабиста и её «подкрепления» аспирантурой Московского университета по профилю экономических наук «пошёл отсчёт ступенек» его «успешной и без промедлений, без торможений на долгие годы карьерной лестницы» (т. 10, с. 14).

Пожалуй, с этим можно согласиться, однако такой «взлёт» вряд ли мог быть удачным для Евгения Максимовича, если бы в 1959 г. (одновременно с защитой кандидатской диссертации) он не вступил в Коммунистическую партию. Естественно, данный факт в отрыве от конкретных достижений Примакова — как начинающего учёного и журналиста — не гарантировал быстрый путь «наверх». В своей жизни он столкнулся с неожиданными препятствиями: так, после поездки в Албанию в 1958 г. в числе сопровождавших лидера страны Хрущёва советских журналистов вдруг оказался «невыездным», и ему «рубил» даже туристические поездки. Причин этого Примаков не смог выяснить и спустя несколько десятилетий (т. 3, с. 23; т. 6, с. 32).

В то же время Евгений Максимович сообщил любопытный факт, связанный со своей первой заграничной служебной командировкой. Полный желания проявить профессиональное рвение, Примаков решил не дожидаться утверждения референтами Хрущёва печатной версии главного публичного выступления последнего на митинге в Тиране. «Сырой» текст этой речи он отправил в Москву, и лишь по счастливой случайности его самовольный поступок не получил огласки (т. 6, с. 30—32). С тех пор осторожность стала одним из проявлений «фирменного стиля» Примакова (т. 3, с. 15).

Возвращаясь к вопросу о том, что способствовало его успешному «продвижению», необходимо отметить один из определяющих факторов — человеческий. В трудные моменты

жизни 1960–1970-х гг. Евгению Максимовичу помогли и существенно повлияли на формирование его мировоззрения люди, впоследствии названные им «внутрисистемными диссидентами» (главный редактор газеты «Правда» А.М. Румянцев, директор ИМЭМО АН СССР Н.Н. Иноземцев, директор Института США и Канады Г.А. Арбатов) (т. 3, с. 16, 20).

Впоследствии, когда Примаков находился уже на более высокой ступени служебной лестницы, человеческий фактор вновь оказал своё позитивное влияние. Встречи в 1985 г. (уже в качестве директора ИМЭМО) с заведующим Отделом пропаганды ЦК КПСС А.Н. Яковлевым, а затем с М.С. Горбачёвым предопределили его «вхождение» в руководящие партийные органы и выдвижение в состав Президиума Совета СССР.

В воспоминаниях Примакова — подробная информация о том, какую роль он сыграл в 1980–1990-х гг. в решении вопросов, связанных с ближневосточным урегулированием (т. 3, с. 423–453; т. 5; т. 7, с. 84–118, 253–274, 286–294), попытками разрешения проблемы Косово и поисками выхода из Югославского кризиса (т. 7, с. 275–285, 378–399). Впрочем, активная деятельность в качестве специального посланника высшего советского, затем российского руководства, а позднее — министра иностранных дел РФ была хорошо известна и до выхода в свет собрания его сочинений.

Иное дело — конфликты, происходившие на южных рубежах СССР, а после распада великой державы — уже в российском пограничье. Речь идёт о развернувшихся в Кавказском регионе драматических событиях конца 1980–1990-х гг. Материалы, содержащиеся в рецензируемом издании, во многом способствуют освещению вопроса о прямом либо косвенном участии Примакова в попытках разрешения трёх крупнейших конфликтов, имевших место в Закавказье и на Северном Кавказе на закате советской и в начале постсоветской эпох, — армяно-азербайджанского, грузино-абхазского и чеченского.

Примаков по роду деятельности имел отношение к обсуждению на высшем уровне вариантов выхода из упомянутых кризисных ситуаций, хотя его позиция не имела решающего влияния на принятие окончательных решений данных проблем советским, а затем

и российским руководством. Так или иначе, в политической публицистике, а также в воспоминаниях он не преувеличивает, но и не преуменьшает своей реальной роли в процессе поиска путей разрешения перечисленных межгосударственных и межэтнических конфликтов.

Примаков стал вторым (после И.В. Сталина) главой правительства, связанным самыми тесными узами с Кавказом. Судьба сложилась так, что первые 20 лет жизни будущий российский премьер провёл в Закавказье: жил в Тбилиси, где окончил среднюю школу и проходил обучение в Бакинском Военно-морском подготовительном училище. Реалии повседневности, особенности менталитета, своеобразие обычаев и поведенческих мотивов жителей Кавказа прочно отложились в его сознании. Он никогда не порывал связей с родной Грузией, милым его сердцу Тбилиси, потому с болью в сердце воспринимал трагические события, развернувшиеся в Закавказье в канун и после распада СССР.

Настоящим испытанием для него оказался возникший на национальной почве и сопровождавшийся кровопролитием Карабахский конфликт 1989–1990 гг. — между Арменией и Азербайджаном. Являясь председателем Совета Союза Верховного Совета СССР, Примаков активно включился в разрешение этого конфликта. Ещё в августе 1989 г. он направил Горбачёву записку, в которой указал, что путь к преодолению возникших противоречий лежит через получение Нагорным Карабахом автономного статуса в составе Азербайджанской ССР. Однако реакции Президента СССР на эти предложения не последовало.

В январе 1990 г., когда в Баку начались армянские погромы, Примаков по заданию Горбачёва был направлен туда в составе небольшой группы представителей союзного центра. А в ноябре того же года в качестве члена Президентского совета вместе с первыми лицами Армении и Азербайджана он участвовал в разработке целого «пакета» первоочередных антикризисных мер, к сожалению, так и оставшихся невостребованным. Позднее, уже занимая пост министра иностранных дел РФ (9 января 1996–11 сентября 1998 г.), Евгений Максимович приложил много усилий, чтобы попытаться развязать тугой узел армя-

но-азербайджанского противостояния (т. 3, с. 465–485).

В начале грузино-абхазского конфликта (1992) он занимал должность директора Службы внешней разведки России (25 декабря 1991–9 января 1996 г.). Став главой внешнеполитического ведомства, приступил к работе по разрешению этого конфликта. Вопросы, связанные с его причинами, ходом и негативными последствиями, подробно освещены Примаковым, как и значение позиции России и его собственная роль в контексте усилий, предпринимавшихся российской стороной для разрядки ситуации в регионе в конце 1990-х гг. (т. 3, с. 485–499).

В рецензируемое издание вошли материалы, касающиеся оценки Примаковым обстоятельств, которые привели к опасному напряжению отношений между Москвой и Грозным и как следствие – к двум чеченским войнам конца 1990-х гг. При этом использовались собственные записи, сделанные на заседаниях Совета безопасности РФ, совещаниях у Президента и премьер-министра РФ, где решался вопрос о начале вооружённой операции против режима Д. Дудаева (декабрь 1994 г.); разбирался её ход (декабрь 1994 – январь 1995 г.); рассматривались действия российских силовиков в Будённовске (июнь 1995 г.), а также ситуация, сложившаяся накануне подписания Хасавюртовских соглашений (конец августа 1996 г.) (т. 4, с. 118–138; т. 6, с. 335–353). Свидетельства Примакова не только проясняют подлинную картину процесса руководства федеральными подразделениями в ходе первой чеченской войны, но и во многом позволяют скорректировать сложившиеся в обществе стереотипы в отношении отдельных российских силовиков (военного министра генерала армии П.С. Грачёва, министра внутренних дел генерала армии В.Ф. Ерина). В то же время Евгений Максимович не ответил на коренной вопрос: кто именно из представителей высшего руководства страны выступал за ввод войск в Чечню? Но из его повествования следует, что сам он, а также министр юстиции Ю.Х. Калмыков не поддержали силового решения по Чечне (т. 6, с. 337).

Анализируя возникшую в конце 1998 г. ситуацию накануне второй чеченской войны, Примаков констатировал: развитие событий в Чеченской республике и вокруг неё просто

не позволяло провести конструктивные переговоры с её тогдашним президентом А. Масхадовым. Последний, по мнению Евгения Максимовича, не хотел или, скорее, не мог начать действовать против набравших силу сторонников Ш. Басаева. Затем последовало вторжение басаевских боевиков в Дагестан, а российские войска перешли чеченскую границу. Чечня, по словам Примакова, была единственным регионом, где в политике российского центра возобладали силовые приёмы. В Кремле сделали ставку на подписание двусторонних переговоров с субъектами РФ с целью избежать кровавых межнациональных отношений (т. 7, с. 268–269).

Повествуя о попытках мирного разрешения грузино-абхазского конфликта, Примаков со знанием дела заключал: «Кавказ есть Кавказ. Когда даже противники сидят за одним столом, произносятся тёплые тосты, и это, как правило, в тот момент делается от души. Но часто только в тот момент» (т. 3, с. 497). Однако, несмотря ни на что, и при оценке общей ситуации, и в конкретных условиях, когда на высшем государственном уровне советским и российским руководством принимались меры по разрешению региональных конфликтов на Кавказе, позиция Евгения Максимовича была чёткой и недвусмысленной – он являлся противником силовых действий с привлечением воинских формирований. Примаков активно участвовал в переговорных процессах с лидерами Азербайджана, Армении, Грузии, Чечни во время конфликтов на Кавказе. Мирное разрешение межгосударственных и межэтнических проблем – таков был один из фундаментальных принципов его как реального политика.

Высокую должность премьер-министра РФ Примаков занимал с 11 сентября 1998 по 12 мая 1999 г., т.е. всего восемь месяцев. Не случайно книгу мемуаров, посвящённую знаменательному этапу в истории страны, он озаглавил «Восемь месяцев плюс...». Об обстоятельствах назначения на высокую государственную должность, объективных и субъективных трудностях, с которыми пришлось столкнуться при проведении внутривнутриполитического и внешнеполитического курса, о разочарованиях, постигших его в связи с не-

ожиданной отставкой, он рассказал также в воспоминаниях «Минное поле политики».

Содержание обеих книг представляется ценным прежде всего потому, что повествование ведётся от первого лица. Тем самым читатель получает целостное представление о событиях конца 1990-х гг. Последнее десятилетие XX в. ныне принято называть «лихими девяностыми»: российское общество захлестнула тогда волна преступности. Но главной бедой являлся всё-таки тяжелейший кризис. Он стал результатом курса экономического развития, толчком к которому послужили в 1992 г. «либеральные» реформы. Примаков писал по этому поводу: «Нужно сказать вполне определённо, что курс, принятый псевдолибералами в области экономики, дал простор коррупции, экономическим преступлениям, произволу государственных чиновников» (т. 4, с. 47; т. 6, с. 309).

Основная задача нового правительства состояла в том, чтобы не только успокоить общество, взбудораженное последствиями дефолта 17 августа 1998 г., но и добиться политической стабилизации (т. 4, с. 54; т. 6, с. 313). Однако, на мой взгляд, сам факт назначения Примакова, весьма критически относившегося к «либеральным» реформам, поощрявшим Б.Н. Ельциным, предопределил конфликт между президентом и новым премьером, приведший к отставке последнего.

Другой «разлом» во взаимоотношениях главы государства с главой правительства наметился при осуществлении внешнеполитического курса. В этом смысле особый интерес представляет рассматриваемый теперь как поистине легендарное событие знаменитый «поворот» над Атлантикой, названный «петлёй» Примакова. Речь идёт о предпринятом 24 марта 1999 г. развороте в воздухе самолёта, следовавшего по маршруту Москва–Вашингтон. На его борту находились Примаков и члены официальной российской делегации, направлявшейся на встречу с вице-президентом США в рамках заседания Комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству. Узнав о начавшейся военной операции НАТО против Югославии, премьер-министр РФ принял решение развернуться обратно и лететь в Москву (т. 4, с. 182–190; т. 6, с. 378–399). И хотя Ельцин задним числом одобрил данное решение, ему вряд ли могла понравиться

подобная самостоятельность главы правительства.

Однако основной причиной, приведшей к отставке Примакова, явились его практические шаги, направленные против экономической преступности и коррупции. Примаков признаёт, что настоящая атака на него со стороны ельцинского окружения (так называемой семьи) началась после обращения к руководителям различных министерств и ведомств, в том числе правоохранительных органов, с указанием лично изложить их видение данного вопроса. Именно с того момента его «участь как премьера была предопределена» (т. 4, с. 234; т. 6, с. 421).

Несомненный интерес вызывают встречающиеся в «Собрании сочинений» суждения умудрённого опытом политика о событиях прошлого, оценки деятельности тех или иных исторических персонажей. Они присутствуют в лекциях, прочитанных в МГУ им. М.В. Ломоносова; встречаются при описании различных этапов советской истории, свидетелем и очевидцем которых являлся Примаков (последние годы жизни Сталина, хрущёвская «оттепель», «застойные годы», горбачёвская «перестройка»). Детально описывал он и сложные перипетии постсоветского этапа развития Российского государства, порой «заглядывая» при этом в далёкое прошлое, пытаясь найти ответы на насущные вопросы бурного времени, в которое довелось жить и работать.

В этом смысле знаменательным представляется небольшое по объёму эссе, вошедшее в книгу «Россия: надежды и тревоги» под характерным названием «И “за”, и “против” Сталина» (т. 7, с. 346–358). Примаков подчёркивает актуальность сталинской темы, которая, по его словам, не просто обсуждается в российском обществе, но это «обсуждение не идёт на спад». Он задаёт актуальный вопрос: «Могут ли преступления сталинского режима, вскрытые и осуждённые обществом, перечёркивать несомненные успехи Советского Союза во многих сферах — социальной, культурной, способности мобилизовать все резервы для прорывов в научно-технических областях?». И сам даёт на него отрицательный ответ (т. 7, с. 346, 349).

В предисловии к «Собранию сочинений» указываются две специфические особенности содержания воспоминаний Примакова. С од-

ной стороны, значительная часть материалов, вошедших, например, в книгу «Годы в большой политике», была продублирована в «Минном поле политики», с другой – во второй из названных книг приводятся сведения, отсутствующие в первой. Эти особенности авторы предисловия объясняли «преднамеренным дозированием информации». Примаков излагал её тем подробнее, чем больше времени отдаляло его от описываемых им событий (т. 1, с. IV–V).

Так или иначе, после кончины Евгения Максимовича был снят вопрос о причинах подобного, крайне деликатного отношения его как мемуариста к описываемым событиям большой исторической значимости (например, к обстоятельствам назначения его премьер-министром, взаимоотношениям с Ельциным, причинам отставки кабинета) (т. 6, с. 295–570). Считаю, что «осторожные» описания Примакова (недаром политическая деятельность ассоциировалась у него с минным

полем) «со стенографической точностью» делают актуальным ретроспективное сравнение с другими источниками. В качестве таковых целесообразно было бы, в первую очередь, использовать воспоминания людей, близко знавших Евгения Максимовича либо причастных к его научной, общественной, политической и государственной деятельности. В данной связи можно только приветствовать выход в свет сборников, содержащих такого рода информацию².

В целом «Собрание сочинений» Е.М. Примакова позволяет составить целостное представление о нём, как о незаурядном человеке, учёном, политике, и о современной ему полной противоречий эпохе.

Примечания

¹ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004. С. 271.

² См., например: Наш Примаков. М., 2016.